

Глава II Оттепель: общество в поисках обновления

2.1 Оттепель. Дух свободы

Вполне бытовой, даже метеорологический термин «оттепель» начиная с середины XX века, приобрел второе значение – так стали называть общественную и культурную атмосферу, сложившуюся в Советском Союзе в 1950-е – 1960-е гг., а вслед за тем – и всякое смягчение режима, не затрагивающее его основ (ведь оттепель нередко сменяется заморозками). Тот след, который оставила оттепель в душах советских людей, сопоставим по глубине разве что с психологическими последствиями прорыва в космос. Впрочем, все это было тесно переплетено: творцами научно-технического прогресса и создателями культуры «оттепели» были если не одни и те же, то в чем-то похожие люди – вернувшаяся с фронта молодежь, вышедшие из «шарашек»¹ и закрытых конструкторских бюро ученые, студенты, интеллигенция.

«Оттепель» часто ассоциируется с XX съездом (1956 г.), что не совсем правильно. Перемены начались раньше: снег еще не таял, но весной запахло сразу после смерти Сталина. Из лагерей стали возвращаться первые реабилитированные, о необходимости смягчения цензуры осторожно заговорили заслуженные советские писатели Ольга Берггольц и Илья Эренбург. Уже в декабрьском (1953 г.) номере журнала «Новый мир» (орган Союза писателей СССР), главным редактором которого был Александр Твардовский, вышла статья не слишком известного литератора Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Автор впервые открыто заговорил о том, что жесткая цензура вынуждает писателей отказываться от большинства острых тем, которые на самом деле волнуют людей, но могут не вписаться в рамки «социалистического реализма». Померанцев призвал честно говорить о проблемах общества: «Писатели не только могут, а обязаны отбросить все приёмы, приемчики, способы обхода противоречивых и трудных вопросов. Долг литератора, получившего ясную программу движения нашей страны, – помогать ей именно в сложном»². Ясной программы, конечно, еще не было – но тем самым она и создавалась.

Статья вызвала грандиозную дискуссию, в которую были втянуты лучшие «перья» страны. Власть тоже не могла остаться в стороне от боев «на идеологическом фронте», ведь именно она должна была определить новые рамки дозволенного. В 1954 г. в том же «Новом мире» вышел роман Эренбурга «Оттепель» (откуда и пошел сам термин), который тоже вызвал бурное обсуждение, удостоившись критики со стороны ЦК и лично Хрущева. А вот публикацию «Тёркина на том свете» Твардовского ЦК запретил, да еще и снял автора с поста главного редактора «Нового мира». Открывшийся в декабре II Съезд писателей превратился в парад консерваторов. Но ни Эренбург, ни Твардовский, ни Померанцев, ни другие литераторы-вольнодумцы не были репрессированы – их не исключили из Союза писателей. За инакомыслие больше не сажали, во всяком случае, «художников слова». А Хрущев на секретариате ЦК даже примирительно произнес: «Мы сами виноваты, что много не разъяснили в связи с культом личности. Вот интеллигенция и мечется»³.

Кто был истинным инициатором масштабной компании по расследованию преступлений сталинского режима, точно неизвестно. Микоян в воспоминаниях утверждает, что это он предложил Хрущеву «рассказать обо всем партии»⁴, сам же Хрущев уверял, что

¹ «Шарашка» - разговорное (жаргонное) название для НИИ и КБ тюремного типа, подчиненных НКВД/МВД СССР.

² Померанцев В. Об искренности в литературе. Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы. Составитель С. И. Чупринин. М. Московский рабочий. 1989. С.19.

³ Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное (1953–1964). М. Книжная палата. 1991. С.17.

⁴ Архив Президента Российской Федерации. Ф.39, оп. 3, д.120, л.114-115. В настоящее время этот фонд распоряжением Президента Российской Федерации передан в Российский Центр хранения и

такое было его личное, глубоко выстраданное решение, а о предложении Микояна вспомнить не смог⁵. Пересмотром репрессий и реабилитацией невинных занимались как «компетентные органы» (КГБ под руководством Серова), так и специальная партийная комиссия, которую возглавлял секретарь ЦК КПСС П.Н. Пospelов. В работе комиссии принимали участие некоторые «старые большевики», прошедшие ГУЛАГ, выжившие и к тому времени уже реабилитированные. Первоначально комиссии поручили изучить только судьбу членов ЦК, избранных XVII съездом партии (1934 г.), а также всех делегатов этого «съезда победителей», как он назывался в официальной пропаганде, или «съезда расстрелянных», как его именовали шепотом (арестов и казней избежало лишь менее половины делегатов и около трети членов ЦК), но в процессе работы временные рамки негласным образом расширились. К концу 1955 г. результаты расследований были сведены воедино и представлены на Президиуме ЦК в виде 70-страничного доклада. Выводы о масштабах репрессий поразили даже их непосредственных участников. Вот впечатления Микояна: «Докладчиком от комиссии был Пospelов (он был и сейчас остается просталински настроенным). Факты были настолько ужасающими, что, когда он говорил, особенно в таких местах очень тяжелых, у него на глазах появлялись слезы и дрожь в голосе. Мы все были поражены, хотя многое мы знали, но всего того, что доложила комиссия, мы, конечно, не знали. А теперь это все было проверено и подтверждено документами»⁶. Разумеется, чтобы «не знать», человеку ранга Микояна надо было сильно постараться столь плотно закрыть глаза. Но шок, тем не менее, явно был сильным.

Встал болезненный вопрос: нужно ли донести результаты до делегатов предстоящего XX съезда партии, и если да, то в какой форме. Далеко не все члены Политбюро были согласны предать хотя бы ограниченной гласности масштабы репрессий и роль в них Сталина. Возникли серьезные споры. Первоначально планировалось выступление Пospelова, но непосредственно перед началом съезда эту миссию взял на себя Хрущев: о таком, мол, говорить нужно от имени всего Президиума. Текст выверяли коллективно, причем по сравнению с итоговым документом комиссии Пospelова он был существенно смягчен. Также было решено зачитать доклад вне официальной повестки, в последний день съезда, на закрытом заседании.

2.2. XX съезд: переворот сознания

Выступление Хрущева состоялось 25 февраля 1956 г. и прошло в полной тишине. Люди боялись поверить в происходящее: это был полный переворот сознания и всей картины мира. Всего несколько дней назад, выступая на открытии съезда, Хрущев называл Сталина «великим продолжателем дела Ленина», а теперь разоблачал как тирана и палача. Председательствовавший на заседании Булганин предложил прений по докладу не проводить. Заготовленный заранее проект постановления «О культуре личности и его последствиях» был принят единогласно. В сокращенном виде доклад решено было зачитать в партийных ячейках и на собраниях комсомольского актива. В советской печати доклад опубликован не был, однако его основное содержание очень быстро стало известно всей стране – о таком рядовые коммунисты и комсомольцы промолчать не смогли. А уже в июне английский перевод текста появился в *New York Times* и *Washington Post*. На русском он разошелся в самиздате, но в открытой печати был опубликован только в 1989 г.⁷ В центральной прессе появилось только упомянутое постановление ЦК КПСС.⁸ Оно в общих чертах повторяло сказанное на съезде, но в сильно смягченной форме, устанавливая таким образом границы допустимой критики Сталина. Вслед за этим по парторганизациям было

изучения документов новейшей истории.

⁵ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Вопросы истории. 1992. № 6-7. С.81.

⁶ Архив Президента Российской Федерации. Ф.39. Оп.3. Д.120. Л.115–116.

⁷ Известия ЦК КПСС, 1989, № 3. С.128-166.

⁸ О преодолении культуры личности и его последствий. Постановление Центрального Комитета КПСС. М.: Госполитиздат, 1956 (тираж 1 млн. экз. – Прим. отв. ред.)

разослано закрытое письмо ЦК, в котором уже ясно говорилось о необходимости привлечения к ответственности коммунистов, которые допускают излишне ретивое обсуждение решений XX съезда: «Часть коммунистов неправильно понимает свободу обсуждения и критики в партии, в силу чего оказывается не в состоянии разобраться, когда свобода обсуждения переходит грань партийности, а критика превращается в клевету»⁹.

Действительно, по отношению к тем, кто в попытке осознания происходящего зашел слишком далеко, очень быстро стали приниматься репрессивные меры – не такие массовые и далеко не такие кровавые, как при прежнем режиме, но достаточно жесткие. Публичной критике подверглись писатели Константин Паустовский, Константин Симонов и Ольга Берггольц (прошедшая застенки НКВД), позволившие себе слишком радикально осудить недавнее прошлое. За излишне вольные публичные дискуссии с читателями подверглись кадровой чистке редакции журналов «Вопросы истории» и «Вопросы философии». В самом начале 1957 г. в Ленинграде взяли под арест группу молодых людей во главе с Револьтом Пименовым и Борисом Вайлем, организовавших дискуссионный кружок среди студентов Библиотечного института и выпускавших информационные бюллетени с текстом доклада Хрущева и статьями о «венгерских событиях» (о которых будет сказано ниже). Взгляды их были совершенно коммунистическими, тем не менее, некоторые получили реальные тюремные сроки, а других (в том числе одного из будущих основателей партии «Яблоко» Виктора Шейниса) исключили из комсомола и ограничили в гражданских правах. В том же 1957 г. в Москве началось «университетское дело» группы Льва Краснопевцева, в которую входили студенты, выпускники и преподаватели исторического факультета. Они ратовали за широкое обсуждение начатой на XX съезде десталинизации, окончательное прекращение политических преследований, демократизацию общественной жизни и усиление роли Советов (в противовес роли партии). В итоге девять подсудимых получили от 6 до 10 лет заключения, причем, как бы абсурдно это ни звучало, именно за «антисоветскую» деятельность¹⁰. Аналогичных случаев было немало – едва начавшаяся «оттепель» регулярно будет сменяться бессистемными «заморозками».

Взяв на себя ответственность за антисталинский доклад на XX съезде, Хрущев показал себя настоящим политическим лидером – не только партии, но и страны. Это был смелый, но расчетливый поступок, который сразу поставил всех его конкурентов в шаткое положение. За каждым из них тянулся шлейф более или менее деятельного участия в репрессиях, поэтому при необходимости дернуть можно было за любую ниточку. Сам же Хрущев мог управлять ситуацией, поскольку держал под контролем и партийные, и силовые (через КГБ и преданного ему Серова) рычаги.

Между тем отголоски XX съезда волнами расходились по стране, вызывая порой неожиданные реакции. Например, в Грузии в третью годовщину смерти Сталина прошли демонстрации под лозунгами «Не допустим критики Сталина!», «Долой Хрущёва!» и «Молотов — во главе КПСС». Для разгона манифестантов пришлось вводить в Тбилиси войска, десятки людей погибли, сотни пострадали и были арестованы¹¹. В прессе об этих событиях, естественно, не сообщалось, но высшее руководство о них было прекрасно осведомлено. А использование митингующими имени Молотова, который для многих коммунистов все еще оставался самой авторитетной фигурой в партии, было сродни приговору. Не прошло и нескольких месяцев, как на волне нормализации советско-югославских отношений Молотов оказался снят с поста министра иностранных дел (его сменил тот самый Шепилов, которому ранее выпала «честь» атаковать Маленкова), причем в вину Молотову будет поставлена не более и не менее как «приверженность сталинской

⁹ Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда» от 16 июля 1956 года. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 119-130, 140.

¹⁰ «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.). Материалы дискуссии. Вопросы истории. 1994. № 4. С.106–135.

¹¹ Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века. СПб.: Нева, 2007. С.134.

внешней политике». Через несколько месяцев Молотова вернут в правительство, но уже на второстепенную должность министра государственного контроля (еще один способ унижения, опробованный на Маленкове). Нельзя не заметить: в отличие от «вождя народов», Хрущев не проявлял кровожадности по отношению к поверженным соперникам. Режим становился если не более гуманным, то, как начали говорить в те же годы, более «вегетарианским». Или менее людоедским.

Доклад Хрущева на XX съезде некоторые ортодоксы в литературной среде восприняли как личную трагедию (например, глава Союза писателей Александр Фадеев впал в депрессию и застрелился),¹² а новые границы допустимой свободы приходилось определять буквально на ощупь. Этим занимался, например, основанный годом ранее по инициативе Валентина Катаева журнал «Юность», в котором печатались молодые Василий Аксенов, Анатолий Гладили и др. Кстати, именно в этом журнале вышла статья Станислава Рассадина, после которой за «оттепельным» поколением прочно закрепилось имя «шестидесятников»¹³. Но главным рупором перемен оставался «Новый мир», который после увольнения Твардовского возглавил Константин Симонов. В нем летом 1956 г. были опубликованы произведения Даниила Гранина «Собственное мнение» и Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», вызвавшие новый виток споров уже не только о целях и задачах писательского труда, но и, например, о социальном неравенстве в советском обществе и о привилегиях партийно-хозяйственной номенклатуры. Конечно, каждый шаг в эту сторону встречал отпор партийной власти. В декабре 1956 г. Президиум ЦК КПСС распространил закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» в котором прямо говорилось: «В выступлениях отдельных писателей проявляются стремления охаять советский общественный строй. Такой характер, очерняющий советские порядки и наши кадры, носило, например, выступление писателя К.Паустовского в Центральном доме литераторов при обсуждении романа В.Дудинцева «Не хлебом единым»¹⁴.

Однако перемены продолжались «явочным порядком». Так, все в том же 1956 г. Борис Пастернак, получивший из редакции «Нового мира» отказ в публикации своего нового романа «Доктор Живаго» (в ответе редакции говорилось: «Ваш роман глубоко несправедлив, исторически необъективен в изображении революции, гражданской войны и послереволюционных лет... он стремится доказать, что Октябрьская социалистическая революция не только не имела положительного значения в истории нашего народа и человечества, но, наоборот, не принесла ничего, кроме зла и несчастья»¹⁵), совершил то, что в сталинскую эпоху было немислимо – передал рукопись романа в Италию, где он и был напечатан. В следующем году Пастернаку присудили Нобелевскую премию по литературе. Лауреат подвергся настоящей травле¹⁶ – его принудили отказаться от премии, его исключили из Союза писателей. Но... не арестовали.

Вообще-то «Доктор Живаго» выпадает из общей картины «оттепели». В подавляющем большинстве «шестидесятники» были верны идеям социализма (фундаментальные альтернативы ему были к тому времени вытравлены не только из массового сознания, но и из представлений более продвинутых слоев). Они горячо ненавидели сталинизм с его репрессиями и тотальной несвободой, но верили в революционные идеалы, гениальность «ленинских заветов», светлое бесклассовое будущее. Наступившие и предстоящие трансформации они воспринимали почти исключительно в плане «очеловечивания»

¹² Предсмертное письмо А.А. Фадеева с воспроизведением оригинала см.: Известия ЦК КПСС, 1990, № 10. С.147-151.

¹³ Рассадин С. Шестидесятники // Юность.1960. № 12. С 58–62.

¹⁴ Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С.396–397.

¹⁵ Литературная газета. 25 октября 1958 г.

¹⁶ Именно тогда редакция «Нового мира» опубликовала свой ответ Пастернаку, который первоначально был не публичным. Причем не в самом журнале, а в официальном органе советских писателей – «Литературной газете».

социалистической системы, но никак не ее низвержения. Это одна из причин того, что власти были довольно снисходительны к «шалостям» представителей творческих профессий, но уверенно карали тех, кто пытался заниматься «политикой» – например, участников студенческих кружков (впрочем, тоже в основном «марксистских») или распространителей «самиздата».

Важную роль в укреплении духа свободы сыграл VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в Москве в конце июля 1957 г. В разгар «холодной войны» он должен был продемонстрировать свершения социализма, неуклонное стремление СССР к миру и дружбе со всеми «людьми доброй воли», независимо от страны их происхождения. Само собой, гости фестиваля (34 тыс. человек из 131 страны) проходили тщательный отбор, но такое частичное приоткрытие «железного занавеса» дало совсем другой, контрпропагандистский эффект. Советская молодежь вдруг поняла, что образ злокозненного «врага-капиталиста», культивировавшийся в условиях сорокалетней изоляции страны от внешнего мира, не более чем пропагандистский миф. Мир – и прежде всего Запад, свободный, богатый и яркий – предстал в новом свете, а принятый там образ и стиль жизни обрел удивительную притягательность. Одежда, музыка, кино, пища и напитки, да хоть жевательная резинка – с тех самых пор все «западное» стало для многих советских людей эталоном потребления и оставалось таковым до самого краха советского режима. Собственно, именно неспособность режима обеспечить соответствие этим потребительским и эстетическим стандартам и стала одной из основных причин его крушения.

В 1961 г. после XXII съезда партии «оттепель» получила второе дыхание – опять же в контексте передела власти партийной верхушкой. Хрущев решил добить своих уже поверженных старых конкурентов – Маленкова, Молотова, Кагановича, а также внезапно записанного в ту же «антипартийную группу» Жукова. Снова была поднята беспроегрешная тема «десталинизации»: тело Сталина ночью вынесли из мавзолея и без огласки захоронили возле Кремлевской стены, названные его именем города переименовали, а члены «антипартийной группы» были объявлены пособниками и даже виновниками репрессий. Последовала новая – и еще более откровенная, чем на XX съезде – порция разоблачений, старые скелеты в огромном количестве были вынуты из шкафов. На этом фоне произошел новый прорыв границ приемлемого: все в том же «Новом мире» в ноябре 1962 г. вышел рассказ никому тогда не известного рязанского учителя, бывшего политзаключенного Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» – первое произведение о жизни в ГУЛАГе, о его обыденном ужасе. Санкционировал публикацию лично Хрущев – возможно, в очередной раз не отдавая себе отчета о последствиях. Публикация вызвала шок, но она не означала, что начался новый этап – власть по-прежнему была совершенно непоследовательна в определении допустимых пределов. Так 1 декабря 1962 г. первый секретарь «с группой товарищей» посетил в Манеже выставку, приуроченную к тридцатилетию Московского отделения союза художников, и устроил участвовавшим в ней живописцам-авангардистам истерический публичный разнос. Тут, видимо, было много личного – такого искусства (по современным меркам вполне умеренного) Хрущев действительно не понимал и не мог понимать. На следующий день в «Правде» появилась разгромная статья, призвавшая к решительной борьбе с «абстракционизмом и формализмом» в изобразительном искусстве. А через несколько месяцев, в марте 1963 г. на встрече с артистической интеллигенцией Хрущев впал в натуральную истерику, заклеив своих собеседников бессмертными словами «абстракционисты и пидарасы!». Но... опять дело обошлось без репрессий.

Так или иначе, дух свободы продолжал распространяться по стране, охватывая целые социальные страты и группы. В основном это были образованные горожане: студенчество, творческая интеллигенция, инженеры и ученые, ковавшие ядерный, космический (а также физический, химический, биологический и т.д.) «щиты родины»... Хотя и представителей рабочих профессий тоже хватало. Это были нормальные советские люди – просто усвоившие обостренное чувство гражданской ответственности, социальной справедливости и потребность в духовной свободе. Они стали питательной средой для «шестидесятников-

творцов» – писателей, поэтов, художников, кинематографистов, которые каждым своим новым произведением эту среду расширяли. «Творцы» были очень разные – честная военная проза «поколения лейтенантов» (Виктор Некрасов, Василь Быков, Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Виктор Курочкин, Константин Воробьев) имеет мало общего с эстетской лирикой Беллы Ахмадуллиной, Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко. Не похожи друг на друга злые песни Александра Галича, тихая лирика Булата Окуджавы и вымышленные миры братьев Стругацких, фильмы Леонида Гайдая, Эльдара Рязанова или Андрея Тарковского. Однако их произведения несли в себе некий культурный код, помогавший безупречно распознавать «своих» и «чужих». Большинство «прорабов перестройки» выйдут из среды «шестидесятников». И именно носители этого культурного кода (а также их дети) в августе 1991 г. выйдут защищать Белый дом от путчистов, начиная «эпоху девяностых».

2. 3. Победный виток политической борьбы

Два года потребовалось Хрущеву, чтобы из политиков второго эшелона стать центральной фигурой: к февралю 1955 г. – лидером партии, фактическим правителем страны. Но захватить первенство всегда легче, чем удержать. Хрущев понимал, что оттертые им соратники постараются свалить новоявленного лидера, и готовил превентивные меры.

В качестве поля для нового витка политической борьбы Хрущев выбрал актуальную тему – критику преступлений сталинского режима. Интересно, что сразу после смерти вождя он, как никто другой, изощрялся в изобретении новых и новых мероприятий, церемоний и государственных актов, призванных увековечить память покойного. Но в 1955 г. позиция Хрущева резко меняется. Не секрет, что он сам играл не последнюю роль в репрессиях, особенно на Украине, но теперь был уверен, что по его авторитету это не ударит. Не исключено, что к этому времени Хрущев подстраховался, обеспечив уничтожение наиболее компрометирующих его документов (по некоторым данным, их набралось 11 мешков¹⁷). Так или иначе, полный контроль над архивами партии и спецслужб находился в его руках, и глупо было бы приступать к такому деликатному делу, не обезопасив себя. А начавший это дело как раз и получал дополнительные гарантии безопасности.

Очередной акт в борьбе за единоличную власть над партией и страной разыгрался в июне 1957 г. По сути, это был «бунт обреченных», последняя попытка реванша отодвинутых второй и даже на третий план Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина и Ворошилова. Им удалось привлечь на свою сторону членов Политбюро Первухина и Сабурова (относительно «молодых» сталинских выдвиженцев, так и не дождавшихся своего часа), а также кандидата в члены Политбюро Шепилова. Таким образом, в Политбюро у заговорщиков оказалось большинство – семь голосов из одиннадцати. Этого оказалось достаточно, чтобы 18 июня на пленуме Политбюро ЦК поднять вопрос о смещении Хрущева с поста первого секретаря (и даже упразднении этой должности) и уверенно победить при голосовании. Однако из-за нерешительности председательствовавшего Булганина немногочисленным сторонникам Хрущева удалось затянуть заседание, которое было перенесено на утро. В последующие несколько дней «хрущевцы» (Микоян, Суслов, Кириченко, а также присоединившиеся к ним кандидаты в члены Политбюро – среди которых был, например, Жуков, а также пока малозаметный секретарь ЦК КПСС по оборонной промышленности Л.И. Брежнев) продолжали тянуть время, устраивая дискуссии по второстепенным вопросам. Сам Хрущев, частично соглашаясь с критикой, каялся и пытался полемизировать с оппонентами. Тем временем верные ему министр обороны маршал Жуков и председатель КГБ Серов готовили ответный удар. В Москву военными самолетами были экстренно доставлены из регионов около 200 лояльных Хрущеву членов и кандидатов в члены ЦК. Наконец собравшись в Кремле, они потребовали срочного созыва внеочередного пленума ЦК, а Жуков недвусмысленно предупредил, что готов применить силу, если ультиматум не будет удовлетворен. 22 июня пленум начал свою работу. На первом заседании председательствовал Хрущев, на последующих – Суслов. Подавляющее

¹⁷ Волкогонов Д.А. Семь вождей. Книга 1. М.: Новости. 1995. С.260.

большинство теперь было за сторонниками Хрущева, когда же на трибуну поднимались Молотов, Маленков и остальные «раскольники», зал встречал их неодобрительным гулом, а доклады прерывались многочисленными выкриками с мест. Окончательный вердикт пленума оказался предсказуем: взятый на XX съезде курс признать верным, а якобы несогласную с ним «антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» – осудить. В ходе заседания открылись новые жуткие подробности относительно сталинских репрессий и личного участия в них деятелей «антипартийной группы» – в частности, упоминались их личные подписи под многотысячными расстрельными списками. О точно таких же подписях Хрущева, Микояна и других выходцев из той же эпохи, теперь оказавшихся победителями, само собой, не упоминалось. В последующие месяцы все проигравшие разъехались по стране: Маленков стал директором электростанции в Усть-Каменогорске, Молотов – послом в Монголии, Шепилов – директором Института экономики Академии наук Киргизской ССР... Стратегия унижения и удаления окончательно сменила стратегию пыток и казней.

Оставался только один человек, который мог представлять для Хрущева потенциальную опасность – маршал Жуков. После возвращения из опалы маршал сыграл решающую роль во всех важнейших политических пертурбациях, что не могло не рассматриваться партийными лидерами как угроза. К тому же, популярность военачальника в армии и стране имела совершенно не партийный источник. Впрочем, и в вооруженных силах у Жукова хватало недоброжелателей – некоторым «маршалам Победы» казалось, что звезда Жукова затмевает их собственный блеск. Удар последовал без промедления. Всего через четыре месяца после разгрома «антипартийной группы», в котором Жуков сыграл решающую роль, на очередном пленуме ЦК он был обвинен в нарушении «ленинских принципов руководства» и даже «бонапартизме» (что, надо признать, звучало довольно правдоподобно), снят с должности министра обороны и выведен из состава Политбюро.

Открытой оппозиции Хрущеву больше не существовало. Члены «антипартийной группы» и «примкнувшие к ним» отправились в глубинку поднимать народное хозяйство, маршал Жуков получил отставку, все, чья лояльность вызывала у первого секретаря сомнения, лишились своих постов. В 1958 году с внутривластного направления был устранен даже верный председатель КГБ Иван Серов, которого отправили «укреплять кадры ГРУ». КГБ же возглавил «главный по комсомолу» Александр Шелепин, никогда в «органах» не служивший. Это на первый взгляд странное кадровое решение дало возможность Хрущеву полностью контролировать главную в стране спецслужбу, которая уже не была такой всемогущей, как во времена Берия. Кстати, на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ Шелепина сменил его заместитель и младший товарищ Владимир Семичастный, который в 1961 году станет следующим председателем КГБ. (В 1961 Шелепин возглавил Комитет партийно-государственного контроля – новый орган, который, по мысли Хрущева, должен был координировать и контролировать все отрасли народного хозяйства). В политбюро ЦК тоже появились новые лица: Аверкий Аристов, Фрол Козлов, Леонид Брежнев, Алексей Кириченко, Екатерина Фурцева, Николай Игнатов, Михаил Суслов, Алексей Косыгин, Николай Подгорный, Дмитрий Полянский, Геннадий Воронов. В 1957-ом все они принимали активное участие в схватке Хрущева с «антипартийной группой», после чего были продвинуты Никитой Сергеевичем в первый эшелон власти. Кроме Косыгина и Суслова, которые занимали достаточно высокие посты еще при Сталине, их можно назвать «гвардией Хрущева», его личными выдвиженцами. Первый секретарь относился к ним снисходительно-покровительственно – иногда советовался, но до решений не допускал. Особняком стоял лишь Микоян – единственный из «старой гвардии», кто встал на сторону Хрущева в 1957-ом. Впрочем, осторожный Анастас Иванович резких суждений обычно не высказывал. В марте 1958 г. Хрущев окончательно закрепил свое доминирующее положение, добавив к статусу первого секретаря ЦК еще и пост председателя Совета министров. Хрущев стал полновластным хозяином страны. Однако уже не на сталинский манер, а на свой собственный.

Почему победил именно Хрущев? Видимо, не последняя причина – в слабости его конкурентов, к которой привела система сталинская система «отрицательной селекции». Высший эшелон власти подбирался, конечно, по критериям трудоспособности, исполнительности, личной преданности... но одновременно и, может быть, в первую очередь по параметрам сервильности, трусости и оппортунизма, то есть готовности в любой момент развернуться на 180 градусов, следуя внезапным изгибам «генеральной линии». Исключением был период войны, выдвинувшей на первый план ряд по-настоящему сильных личностей (тот же Жуков, другие полководцы, в меньшей степени – «капитаны» оборонной промышленности), но когда военная угроза миновала, Сталин быстро отодвинул их на вторые роли. Когда же вождя не стало, оказалось, что среди правящей элиты попросту нет ярких индивидуальностей, а есть лишь исполнители и приспособленцы, умеющие выживать в борьбе за место под солнцем, но не более. И Хрущев – человек, не обладавший яркой харизмой, малообразованный, мстительный, вероломный и циничный – в искусстве аппаратных баталий превзошел остальных, да еще и неожиданным образом обнаружил в себе хотя бы какие-то качества политического лидера, которых у остальных оказалось еще меньше.

Полная победа в борьбе за власть Хрущева и поддержавшей его частью партийного аппарата, оказалась переломным, в некотором роде даже революционным моментом в истории СССР – началом эпохи партократии. При Сталине надежным ограничителем чиновничьих карьерных и, не в последнюю очередь, корыстных амбиций служил пронизывающий страх перед репрессивным аппаратом. Теперь этот механизм был отключен – КГБ, прокуратура, милиция и армия по разным причинам и разными способами оказались в зависимости от партийного аппарата. Сам же этот аппарат, темпы персонального обновления которого к тому же резко замедлились, продолжил превращение в полузакрытую касту или даже сословие, образ жизни которого все резче отличался от повседневного быта основной массы населения. Например, вполне лояльный к советской власти Корней Чуковский после посещения одной «номенклатурной» больницы записал в дневнике: «Работники ЦК и другие вельможи построили для себя рай, на народ – наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без нужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверхпитание, сверхлечение, сверххитивость, величайший комфорт»¹⁸.

Теперь правящий слой жил в мире, где видимость успеха была важнее самого успеха. Отсюда всякого рода приписки и манипуляции с отчетностью, угодничество перед начальством, инертность, мздоимство, кумовство, а главное, пренебрежение насущными проблемами простых людей. Все это существовало и раньше, а тезис «при Сталине-то был порядок» не просто не подтверждается, но и опровергается многочисленными историческими документами, демонстрирующими широкую панораму бесхозяйственности, коррупции и неэффективности советской социально-экономической модели. Однако до некоторой степени сдерживающим фактором служил тот самый страх. Теперь, в его отсутствие, можно было вздохнуть с облегчением и разгуляться. Ложь и цинизм становились нормой, политические лозунги превращались в пустые слова, произносимые на собраниях, печатаемые в газетах и на плакатах, но всерьез их воспринимали единицы. В конечном счете, именно идейная и моральная деградация приведет к краху СССР, а начало ей было положено именно в период правления Хрущева.

2.4 Экономические эксперименты

Одной из главных площадок для экспериментов Хрущева стало сельское хозяйство, знатоком которого он себя считал. С одной стороны, при нем были достигнуты самые высокие темпы развития отрасли, и советские люди впервые за всю историю СССР наелись если не досыта, то близко к тому. С другой – именно при Никите Сергеевиче СССР впервые оказался вынужден закупать импортную пшеницу. «Маленковские» преобразования в этой важнейшей отрасли, на которые Хрущев ответил целинной кампанией, но полностью

¹⁸ Чуковский К. И. Дневник (1938–1969). Том 2. М.: Советский писатель, 1994. С.371.

заблокировать их не смог, поначалу принесли выдающиеся результаты – рост по всем основным категориям продукции (зерно, овощи, мясо, молоко и др.) составил за пять лет (1953-58) 30–40%. Увеличение сбора зерна в значительной степени дала целина (дотоле пустовавшие земли, расположенные прежде все в Казахстане, но также на Урале, в Сибири и Поволжье), но все остальное – результат качественных изменений в колхозах и совхозах, а также роста отдачи от приусадебных огородов, свинарников и птичников. Люди почувствовали реальную материальную выгоду от своего труда, впервые после раскулачивания в крестьянах стало пробуждаться чувство хозяина. Впервые за весь послевоенный период начался существенный прирост сельского населения – люди, от безвыходности покинувшие свои деревни, начали в них возвращаться. Огромной важности событием стала начавшаяся в те же годы выдача колхозникам паспортов (ведь до того они их не имели и, соответственно, были лишены свободы передвижения, фактически находясь на положении крепостных). Впрочем, процесс этот шел медленно, и к 1974 г. (то есть спустя 10 лет после свержения Хрущева), когда паспортизация стала общеобязательной, этих документов все еще не имело около 20% всех граждан СССР. Так или иначе, в декабре 1958 г. Хрущев имел все основания гордо заявить на пленуме ЦК, что за несколько лет совершен «гигантский скачок в развитии сельского хозяйства»¹⁹.

Но дальше все пошло не так. Будто опьянев от сосредоточившейся в его руках власти, Хрущев принялся резать тех самых кур, которые несли «золотые яйца». Началась борьба с «мелкобуржуазными» приусадебными хозяйствами и массовая реорганизация хотя бы формально автономных колхозов (а умелые руководители могли и эту условную автономию делать вполне ощутимой) в полностью государственные совхозы. Фактически это было новое «раскулачивание». Миграционные потоки снова сменили направление: с 1960 по 1964 г. в город перебралось почти семь миллионов сельян, причем шесть из них пришлось на молодежь. Средний возраст оставшихся работать в сельском хозяйстве превысил 50 лет. В 1962 г. общая численность городского населения впервые в истории СССР (и России) превысила численность сельского. Безусловно, урбанизация – ключевой индикатор модернизационных процессов. И модернизация по-советски продолжалась. Однако горожан нужно было чем-то кормить; а делать это оказалось, по сути, некому.

К тому же резко сократилась отдача от целины. В 1957–1958 гг. новые земли принесли великолепный урожай, обеспечив заготовку почти половины всего сбора зерновых культур в стране. Но оказалось, что эти достижения были возможны только благодаря эффекту «чистой пашни» – первозданного, никогда не паханого и самого плодородного слоя почвы. А дальше наступил резкий спад урожайности. Первоначально освоение целины велось с комсомольским задором, но при полном отсутствии нормальной инфраструктуры – дорог, жилья, зернохранилищ, машинно-тракторных станций и т.д. Для постановки дела на регулярную основу потребовались огромные капиталовложения. К тому же климатические условия степной зоны, поначалу не принятые во внимание, привели к стремительному разрушению плодородного почвенного слоя ветрами и бурями, в результате чего уже в начале 1960-х гг. треть распаханых целинных земель была утрачена. Валовый сбор зерна откатился ниже уровня десятилетней давности, его стало банально не хватать. Сначала пришлось вскрывать стратегические резервы, а затем и закупать зерно на внешних рынках. В 1963 г. около 10% потребляемого страной зерна было импортировано, на что ушло около трети золотого запаса страны²⁰. До революции Россия славилась как зерновой экспортер; при большевиках это прекратилось, зато голодные годы стали повторяться с удручающей частотой; с этого же времени и вплоть до своего распада Советский Союз не сможет обходиться без зерновых закупок, причем основным поставщиком стал его главный стратегический соперник – США. При этом часть отборной заокеанской пшеницы шла на

¹⁹ Из доклада Н.С. Хрущева на Пленуме ЦК. Цитата по «Пленум ЦК КПСС 15 - 19 декабря 1958 г. Стенографический отчет». М. Партиздат. 1958. Стр. 5-90.

²⁰ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство. Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2000. С.403.

изготовление другого предмета национальной гордости – водки. Злые языки стали называть ее «колос Америки» – по аналогии с радиостанцией «Голос Америки».

Еще одним «выдающимся» экспериментом стала денежная реформа 1961 г. Формально она пропагандировалась как банальная деноминация – 10 старых рублей превращались в один новый. Пропаганда утверждала, что простые люди не пострадают, а бытовые расчеты упростятся. На практике вышло иначе. Ведь валютный курс рубля, при всей его условности, тоже изменился, но в иной пропорции: с 1950 года он составлял 4 рубля за доллар, а после реформы был установлен на уровне не 40, а 90 новых копеек. Естественно, это сказалось на цене импортных товаров, которые в пересчете подорожали почти вдвое. Рыночные цены (а значительную часть продуктов советские люди приобретали не в государственных магазинах, а на рынках, где, помимо колхозной продукции, торговали произведенным на личных приусадебных участках и в подсобных хозяйствах) тоже выросли вдвое. По кошелькам населения, и без того тощим, был нанесен тяжелый удар. Потребительский спрос снизился, крестьяне в ответ сократили поставки (таким образом, базовые законы рыночной экономики продолжали работать и в советской системе, хотя и искаженном виде). Чтобы преодолеть наметившийся дефицит, в 1962 г. с подачи Хрущева увеличиваются (в среднем на треть) государственные закупочные цены на мясо и молоко – тем самым предполагалось стимулировать колхозное и совхозное производство. Однако, чтобы избежать разбалансировки бюджета, за это решение кто-то должен был заплатить – и это тоже предложили сделать конечному потребителю, повысив в том же объеме цены в государственных продовольственных магазинах. Особый цинизм состоял в том, что, как объясняли газеты, произошло это «по многочисленным просьбам трудящихся». Ответом трудящихся стала прокатившаяся по стране волна возмущения, самым ярким эпизодом которой оказались массовые беспорядки в Новочеркасске в июне 1962 г. Против взбунтовавшихся рабочих (среди лозунгов которых был и такой: «Хрущёва — на мясо!») пришлось применять войсковые соединения, танки и БТР, причем получивший приказ о разгоне бунтующих боевой, прошедший всю Великую Отечественную войну генерал М.К.Шапошников отказался его выполнять, за что был отстранен от должности и исключен из партии. Приказ выполнили другие люди, погибшие исчислялись десятками²¹. В отчете, направленном в ЦК КПСС в июне 1962 г., секретарь ЦК и бывший глава КГБ А.Н. Шелепин сообщал, что за первую половину 1962 г. количество листовок и анонимных писем антисоветского содержания удвоилось по сравнению с аналогичным периодом 1961 г., до 7705 единиц, изготовленных 2 522 авторами. По данным КГБ, за шесть месяцев было выявлено 60 локальных антисоветских групп (за весь предыдущий год – 47)²².

Зато повышение валютного курса рубля увеличило рентабельность экспорта, прежде всего нефтяного. Благодаря этому, начав освоение месторождений Западной Сибири, СССР смог в разы нарастить поставки нефти за рубеж – с 17,8 млн. тонн в 1960 г. до 43 млн. в 1965 г. Нефть превращалась в важнейший источник бюджетных доходов и в дальнейшем ее значение будет только расти. Экономика СССР, а потом и России окажется в жесткой зависимости от цен на углеводородное сырье. Истоки этой болезни нужно искать в хрущевской эпохе.

Еще одним стрессом для советской экономики (и, между прочим, для всего аппарата власти) стала абсолютно непродуманная попытка Хрущева перекроить сложившуюся структуру управления всей советской промышленностью, перейдя от отраслевого принципа ее организации к территориальному и передав основные функции министерств (упразднив большинство из них) вновь создаваемым «совнархозам» – советам народного хозяйства, в количестве сначала 105, а потом 43 штук. Возможно, в идее децентрализации и был некий здравый смысл, но она совершенно не сочеталась с жестким централизмом всех остальных

²¹ Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953--1985. М.: Олма-пресс, 2006. С.330–403.

²² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С.213.

властных структур -- прежде всего партаппарата, но также и правительства, рядом с которым некоторое время просуществовал еще и Высший совет народного хозяйства. Поэтому идея саботировалась, буксовала, а после отставки Хрущева была полностью отвергнута. Однако нанесенный дезорганизацией традиционных административных механизмов ущерб был велик.

Впрочем, экономические и бюджетные трудности создавались не только заливчатскими импровизациями, но и вполне рациональными, объективно необходимыми решениями. Это прежде всего колоссальные затраты на науку и создание новейших прорывных технологий, особенно в оборонной промышленности. В хрущевское время Советский Союз сумел достичь феноменальных успехов в космической отрасли: первый искусственный спутник земли (1957 г.), первый полет человека в космос (1961 г.), в обоих случаях обойдя в «космической гонке» США, что имело грандиозный пропагандистский эффект. Стремительно развивалась атомная энергетика (первые АЭС и атомоходы). Все это было обеспечено прогрессом фундаментальных наук – Нобелевские премии по химии и физике в эти годы регулярно присуждались советским ученым. На науку государство не жалело средств, в том числе создавая для интеллектуалов комфортные условия жизни и труда (сталинские тюремные лаборатории, известные как «шарашки», ушли в прошлое). Поэтому и отдача была высокой как никогда.

Еще одно дело, потребовавшее огромных расходов – массовое жилищное строительство. Недостаток жилья, а в особенности жилья минимально достойного, терзал советский народ начиная с первых послереволюционных лет, но у властей все время находились заботы поважнее. Бараки, хибары, подвалы, общежития и коммуналки были средой обитания огромного большинства городского населения, а отдельные квартиры – роскошью, доступной единицам. Еще в 1955 г. практически прекратилось строительство жилых домов по индивидуальным проектам (потому здания, которые успели возвести до того, и получили сохраняющееся до сих пор название «сталинских»). В стране появились десятки новых заводов по производству железобетонных конструкций, из которых стремительными темпами, по типовым моделям собирались почти не отличимые друг от друга блочные и панельные «коробки»). Темпы строительства удалось за три года удвоить: в 1956 г. был введен в эксплуатацию 41 млн кв. м. жилья, в 1960 г. – уже 82,8 млн. Претензии к эстетике и качеству «хрущевок» появились позже. А в те времена это была революция в самом способе существования миллионов советских семей, впервые получивших возможность обрести хоть что-то похожее на частную жизнь. Так в стране, прежде всего в городах, начал формироваться «советский средний класс». Конечно, столь масштабная жилищная программа требовала колоссальных затрат, которые вполне можно рассматривать как инвестиции в человеческий капитал. Ирония истории состоит в том, что именно этот человеческий капитал, этот средний класс спустя несколько десятилетий сыграет ключевую роль в процессе перестройки, а затем и распада Советского Союза. Но поначалу ничего подобного, конечно, нельзя было предвидеть.

А вот что точно стало «черной дырой», поглощавшей ограниченные ресурсы страны, так это активная внешняя политика Хрущева. И речь тут не только о гонке технологий и вооружений, но и об огромных расходах на содержание, удержание и расширение «социалистического лагеря». Советский Союз оказывал «братскую помощь» практически всем странам, готовым хотя бы рассмотреть возможность выбора «социалистического пути развития» или, по крайней мере, занимавшим в глобальной конкуренции нейтральную, минимально лояльную к СССР позицию. Понятно, что для многих таких «развивающихся государств» (а их количество стремительно росло в связи с окончательным демонтажем колониальных империй) заигрывание с Советским Союзом (как, впрочем, и с США) стало действенным инструментом пополнения бюджета, весьма близким к вымогательству). Подсчитать все расходы СССР на таких клиентов и сателлитов невозможно, поскольку помощь оказывалась разными способами – прямые денежные вливания, поставки оружия и «мирной» продукции, строительство промышленных предприятий, отправка военных и

гражданских специалистов, прием иностранных студентов в советские высшие учебные заведения... Значительные средства выделялись в качестве государственных кредитов, которые закономерным образом никогда не были возвращены. Все это не было секретом для народа, и в массовом сознании подобные траты еще более преувеличивались, становясь поводом не только для ехидных шуток, но и для нешуточного раздражения.

2.5 Эхо XX съезда в странах соцлагеря

Успехом было урегулирование разладившихся при Сталине отношений с Югославией. Но полностью в сферу влияния СССР Югославия так и не вернулась – маршал Тито не собирался отказываться ни от автономии своей страны, ни от собственной неограниченной личной власти, которые ему удалось защитить даже от Сталина. Югославия так и не вошла ни в Организацию Варшавского договора, ни в СЭВ (Совет экономической взаимопомощи, объединявший под эгидой СССР восточноевропейские социалистические страны), сохранила заключенные в 1954 г. оборонительные договоры с входящими в НАТО Турцией и Грецией, выступила одним из инициаторов «Движения неприсоединения», претендовавшего на роль «третьей силы» в мировой политике. Да и югославский социализм существенно отличался от советского – прежде всего широким развитием институтов самоуправления (впрочем, к концу 1980-х гг. и этот вариант продемонстрировал свою неэффективность). Однако открытый конфликт все же прекратился, причем все лавры миротворца достались не Маленкову и Молотову (с задачей не справившимся), а Хрущеву, который в качестве первого секретаря ЦК КПСС использовал каналы не государственной, а партийной дипломатии.

Однако затем положение дел в социалистическом лагере резко осложнилось. Антисталинский доклад Хрущева на XX съезде далеко не везде и не всеми был воспринят положительно, а в некоторых странах его расценили как предательство. В Китае и Албании критика Сталина была встречена настолько враждебно, что дело кончилось фактическим разрывом отношений с СССР. С другой стороны, коммунисты некоторых европейских соцстран не только восприняли новый поворот как руководство к действию, но и попытались зайти еще дальше – дальше, чем было готово позволить им советское руководство. В первую очередь это относится к Польше и Венгрии.

После смерти Сталина напряжение в этих странах нарастало. В Польше на свободу вышли десятки тысяч репрессированных, в том числе целая группа видных коммунистов во главе с Владиславом Гомулкой. Тысячи поляков, арестованных советскими органами во время войны и сразу после нее, смогли вернуться на родину из Сибири. Страна жила ожиданиями перемен, но режим тогдашнего руководителя польской компартии Болеслава Берута поначалу удерживал позиции, в том числе благодаря расквартированным в стране советским войскам и делегированному Кремлем на пост министра обороны Польши маршалу К.К.Рокоссовскому – поляку по происхождению. Берут присутствовал в Москве на XX съезде, слушал доклад Хрущева... Шок оказался настолько сильным, что через две недели Берут скончался в московской гостинице от сердечного приступа (сразу же, конечно, поползли слухи о самоубийстве). В образовавшемся вакууме власти начались стихийные антисоветские выступления польских рабочих, подавление которых сопровождалось десятками человеческих жертв. Обострилась внутривнутрипартийная борьба, в которой самые серьезные позиции были теперь у реабилитированного Гомулки. Накалу страстей способствовало широкое распространение среди простых коммунистов доклада Хрущева, тогда как в других странах его текст был доступен только высшим партийным чинам. В октябре Гомулка возглавил Польскую объединенную рабочую партию (в ее названии, как и в некоторых других соцстранах, не было слова «коммунистическая», но сути это не меняло). Ряд одиозных сталинистов, наоборот, лишился постов, и уж совсем откровенным вызовом СССР стало выведение из состава ЦК партии маршала Рокоссовского. В Варшаву прибыл

сам Хрущев, советские войска в Польше были приведены в боевую готовность. Поляки ответили раздачей оружия рабочим и выдвиганием к столице Корпуса внутренней безопасности. Но все же новые лидеры Польши убедили советскую сторону, что вмешательство может только усугубить ситуацию. До открытых столкновений дело не дошло. А вот в Венгрии в то же самое время события развивались по иному сценарию.

Как и в Польше, венгерская ситуация в значительной степени была калькой с происходившего в СССР. После войны у власти тут оказался «лучший ученик Сталина» Матяш Ракоши, чуть ли не перецегалявший его в жестокости методов социалистического строительства. Сотни тысяч венгров оказались в тюрьмах и лагерях по обвинению в пособничестве фашистскому режиму. Уже весной 1953 г. в Москве решили, что излишняя свирепость Ракоши может только повредить советским интересам, и Берия предложил возглавить венгерское правительство своему хорошему знакомому Имре Надю – само собой, тоже коммунисту, но гораздо более умеренному. Были остановлены репрессии, проведена амнистия, увеличены зарплаты, уменьшены налоги, либерализованы принципы землепользования... По духу это совершенно совпадало с тем, что делало правительство Маленкова – и, опять же как и в СССР, вызвало противодействие «старой гвардии» во главе с Ракоши, оставшимся во главе Венгерской партии трудящихся (та же фигура умолчания, что и в Польше). Спустя несколько месяцев после отставки Маленкова, в апреле 1955 г., Надь тоже потерял свой пост и даже членство в партии. Консервативно настроенные коммунисты во главе с Ракоши победили, гуманизация системы была обращена вспять... И тут все карты смешал XX съезд!

Внутрипартийная борьба возобновилась, причем общественное мнение полностью поддержало реформаторов. В июле 1956 г. под массовым давлением Ракоши вынужденно ушел в отставку. Венгрию охватил национальный подъем, впервые после войны люди поверили в возможность если не светлого, то хотя бы не чудовищного будущего. Общественные организации, студенческие и профессиональные союзы включились в борьбу. И тут стали приходить известия о польских событиях. В октябре лидеры общественных движений сформулировали «16 требований», в которых говорилось о выводе советских войск, возвращении Нады на пост премьер-министра, проведении свободных выборов, гарантиях свободы слова, восстановлении многопартийной системы и т.п. На следующий день весь Будапешт оказался охвачен массовыми волнениями и демонстрациями, власти полностью утратили контроль над ситуацией. По требованию восставших Надь был вновь назначен на пост главы правительства, но это уже никого не остановило. Начались нападения на учреждения государственной безопасности и стратегические пункты – радиокомитет, центральную телефонную станцию, редакцию ведущей партийной газеты, аэродромы, железнодорожные вокзалы, оружейные склады, казармы воинских частей. Они сопровождались жестокими расправами над коммунистами и особенно над сотрудниками госбезопасности. Венгерская армия была деморализована, значительная ее часть перешла на сторону народа.

23 октября советские войска Особого корпуса (три дивизии, недавно выведенные из Австрии и расквартированные в Венгрии) получили приказ войти в города и занять ключевые перекрестки. Одним из главных инициаторов силового решения (естественно, принятого в Москве) стал посол СССР в Венгрии, впоследствии глава КГБ и один из последних лидеров Советского Союза Ю.В. Андропов. Появление на улицах советской техники и солдат встретило вооруженное сопротивление – в ход пошло огнестрельное оружие и бутылки с зажигательной смесью. Надь оказался меж двух огней. Взаимодействуя с лидерами повстанцев и принимая часть их радикальных требований, он одновременно пытался вести переговоры с Советским руководством. Ему даже удалось найти компромисс – боевые действия удалось прекратить, и 31 октября все советские подразделения были выведены из городов. Однако выдвинутые на волне этого успеха требования полного вывода советских войск из Венгрии и выхода страны из Варшавского договора (таковы были требования большинства повстанцев, и Надю пришлось уступить) были неприемлемы для

Кремля. В Москве решили вернуться к силовому сценарию, тем более что к этому времени в Венгрию были переброшены дополнительные армейские соединения. Превосходство советских войск было подавляющим, штурм Будапешта велся с применением танков и артиллерии. К 5 ноября в столице, а затем и в других крупнейших городах все было кончено, хотя последние группы повстанцев ушли в леса и продолжали сопротивление до начала зимы²³. Венгрию возглавил ставленник СССР Янош Кадар. Имре Надь и его соратники получили от Кадара письменные гарантии личной безопасности, однако все же были арестованы и вскоре казнены (всего около 350 чел.) Венгрия потеряла в этих событиях более 2,5 тысяч чел. убитыми и до 20 тысяч ранеными. Почти 200 тыс. венгров (около 2% населения) эмигрировали. Погибло около 700 советских военнослужащих, 51 пропал без вести, 2250 получили ранения. Лично командовавший всей операцией Жуков получил за нее четвертую звезду Героя Советского Союза.

Венгерские события продемонстрировали политическую ограниченность «оттепели». Тем, кто принял десталинизацию за чистую монету и не заметил, до какой степени она была мотивирована соображениями борьбы за власть, пришлось дорого заплатить за свои иллюзии. Безусловно, и в Польше, и в Венгрии, и особенно в Югославии рамки идеологически и политически допустимого расширились, но все-таки они сохранились, а «железный занавес» никуда не делся. Более того, социалистический лагерь продемонстрировал способность не только к удержанию захваченных позиций, но и к дальнейшей экспансии. Новые кризисы, причем опасные уже не только для Советского Союза и его сателлитов, но и для всего мира, разразились в Берлине и на Кубе.

2.6. «Горячие точки» «холодной войны»: Берлинский и Кубинский кризисы

Не Сталину, а Маленкову досталась честь сообщить в августе 1953 г., что «Соединённые Штаты не являются монополистами и в производстве водородной бомбы»²⁴. Председатель Совмина призвал все страны к миру и политике международной безопасности. Маленков говорил о прекращении корейского конфликта, подписании союзнического договора с Китаем, восстановлении дипломатических отношений с Израилем, обмене послами с Югославией, примирении с Албанией, заключении торговых соглашений со странами Западной Европы, даже о подписании мирного договора с Японией... По сравнению со сталинской эпохой советская риторика резко смягчилась. Прозвучали призывы к «мирному сосуществованию» двух систем и даже теплые слова в адрес нового президента США Дуайта Эйзенхауэра. Сенсацией стала нота правительства СССР правительству США от 31 марта 1954 г., в которой советское руководство предлагало рассмотреть вопрос о вступлении СССР в НАТО. На Западе это предложение было расценено как чисто пропагандистское и отвергнуто без рассмотрения по существу²⁵. Скорее всего, таковым оно и было; но сам факт его появления немаловажен. В 1990-е и даже в начале 2000-х гг. аналогичные идеи будут высказываться постсоветской Россией – с тем же итогом...

Зимой 1955 г. Маленков оказался оттеснен от большой политики, а вместе с ним ушла в прошлое и политика мирного сосуществования. Весной в НАТО вступила Западная Германия, на что страны социалистического лагеря ответили созданием Организации Варшавского Договора (ОВД). Тем не менее, летом 1955 г. в Женеве состоялась давно запланированная встреча на высшем уровне представителей стран-победительниц, первая со времен Потсдамской конференции. Делегацию СССР составили Булганин, Хрущев и Жуков, который еще с 1945 г. был в добрых личных отношениях с президентом Эйзенхауэром (тоже генералом, тоже героем Второй мировой, командовавшим англо-американскими войсками в

²³ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М.: РОССПЭН, 1998. С.558–559.

²⁴ Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С.35.

²⁵ Кочкин Н.В. История двух нот, или Почему СССР не стал членом НАТО. Международная жизнь. 2009. № 2. Стр.216-234.

Европе). Конкретных результатов встреча не принесла, но хотя бы прошла в достаточно дружественной обстановке.

По мере того, как Хрущев становился полновластным хозяином страны, внешняя политика СССР ужесточалась. И чем хуже шли дела в народном хозяйстве, тем агрессивнее вел себя советский лидер. Венгрия была первым звонком, прямая угроза применения ядерного оружия против Англии и Франции в ходе Суэцкого кризиса осени того же 1956 г. (о котором тут нет возможности рассказывать) – вторым. США в события на Ближнем Востоке и в Венгрии не вмешивались, а Эйзенхауэр даже уведомил советское руководство, что считает все происходящее в странах соцлагеря внутренним делом СССР. Тем не менее, в ноябре 1956 г. Хрущев на встрече с западными дипломатами бросил дерзкую фразу: «Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним». Позже он будет оправдываться, что имел в виду всего лишь неминуемую историческую победу социализма над капитализмом, но в Америке его слова восприняли буквально.

Для такого восприятия имелись все основания. В 1957 г. Советский Союз успешно испытал первую межконтинентальную баллистическую ракету, способную достичь территории США. Это вынудило американцев изменить военную концепцию и разместить свои ракеты в Британии, Италии и Турции. Не привел к разрядке и первый в истории визит советского лидера в США, состоявшийся в 1959 г., хотя нельзя сказать, что он оказался вовсе безрезультатным. 2 октября газета «Вашингтон Пост» написала: «Президент Эйзенхауэр, которому многие из советников, особенно покойный Джон Фостер Даллес, говорили, что он не должен доверять ничему, сказанному коммунистом, пришел к противоположному выводу, поскольку это касается Хрущева».²⁶ И все же ни по одному из спорных вопросов достичь согласия не удалось. А в следующем году один из этих вопросов вышел на первый план – берлинский.

Эта «горячая точка» возникла вскоре после окончания мировой войны. На Ялтинской конференции было принято решение о разделе Германии на четыре оккупационные зоны, а ее столицы – на аналогичные четыре района. В тот момент решение союзников казалось логичным. Но с началом «холодной войны», а тем более после оформления прозападной Федеративной Республики Германия и просоветской Германской Демократической Республики, совокупность подконтрольных американцам, англичанам и французам территорий Берлина превратилась в анклав, со всех сторон окруженный социалистической Германией. По мере роста международной напряженности ситуация в городе и вокруг него становилась все более нервной. Западный Берлин превратился в арену почти открытой шпионской войны, а также в почти легальную лазейку для желающих сбежать из «социалистического рая» (границы оккупационных зон проходили по улицам, станциям метро и домам, поэтому наглухо закрыть все точки перехода не получалось). Затем беженцев самолетами доставляли в ФРГ. Секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов (он был переведен в Москву после венгерских событий) 21 августа 1958 г. в докладе членам Центрального Комитета партии сообщал: «За последнее время значительно усилился уход интеллигенции из ГДР в Западную Германию. Количество переходов по сравнению с прошлым годом увеличилось на 50%. За первые шесть месяцев этого года из республики ушло 1000 учителей, 518 врачей, 796 человек из числа технической интеллигенции, а также ряд видных ученых и специалистов»²⁷.

10 ноября 1958 г. Хрущев выступил с заявлением, которое больше походило на ультиматум: западные державы должны отказаться от своих оккупационных прав в Западном Берлине. В противном случае Советский Союз в одностороннем порядке передаст свои оккупационные функции правительству ГДР вместе с контролем над всеми коммуникационными сообщениями с Западным Берлином. При этом Хрущев подчеркнул: СССР будет рассматривать любую силовую акцию или провокацию против ГДР как

²⁶ Цит. по: Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США 15-27 сентября 1959 года. М.: Госполитиздат, 1959. С. 438.

²⁷ Цит. по: Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. М.: Вече. 2000. С.204.

нападение непосредственно на Советский Союз²⁸. Принять советские условия западные страны не могли – ГДР не имел обязательств по свободному пропуску их самолетов к Западному Берлину и легко мог перекрыть «воздушный мост». К тому же вступление в переговоры с правительством ГДР означало бы признание его легитимным, что не устраивало ФРГ. Ситуация сложилась патовая, и об этом Хрущеву не раз говорили его советники. Но советский лидер, уверенный, что Англия и Франция не поддержат жесткую линию США, был неумолим. Несколько попыток достичь хоть каких-нибудь договоренностей провалились. В апреле 1961 г. обе стороны начали демонстративное усиление воинских контингентов вдоль линии соприкосновения, периодически стали возникать неприятные и опасные инциденты. Джон Кеннеди дал понять Хрущеву, что Соединенные Штаты будут воевать из-за Западного Берлина. Тогда Хрущев настоятельно попросил С.П. Королёва произвести запуск второго космонавта никак не позднее 10 августа.²⁹ Королёв, планировавший полет на конец августа, не понимал, в чем дело, но просьбу выполнил: Г.С. Титов стартовал 6 и приземлился 7 августа. А 13 августа началось возведение знаменитой Берлинской стены. Ее строительство завершилось в течение 10 дней. А еще через неделю с визитом в ГДР прибыл космонавт-2 Г.С. Титов. 1 сентября, выступая на массовом митинге в Восточном Берлине, многозначительно и, разумеется, не без подсказки политиков подчеркнул, что советская ракета, на которой он поднялся в космос, в состоянии также доставить ядерную боеголовку в любое место земного шара. Эта последовательность событий по достоинству была оценена Западом.³⁰

Берлинская стена стала нарушением Потсдамских соглашений, и Запад воспринял такой шаг как прямой вызов. Ситуация дошла до крайней точки в октябре, когда советские и американские танки с заведенными двигателями встали друг против друга возле контрольно-пропускного пункта «Чарли» на Фридрихштрассе. Моторы ревели, танковые башни поворачивались, поднятые по тревоге летчики уже сидели в кабинах полностью заправленных и снаряженных боевых самолетов... Мир стоял на пороге большой войны. Однако благоразумие взяло верх, и эта психологическая дуэль постепенно была свернута (первыми ушли советские танки). Но Стена осталась – и превратилась в главный символ Холодной войны, как материализованный «железный занавес». Снесена она будет только в ноябре 1989 г.

Но на уровень максимального риска внешняя политика Хрущева встала в период, получивший во всех учебниках истории название «Карибский кризис». Началось все еще в 1959 г., когда к власти на Кубе пришла группа левых радикалов во главе с Фиделем Кастро. И в СССР, и в США очередной латиноамериканский переворот поначалу восприняли достаточно спокойно, но левацкие увлечения новых властей быстро обострили их отношения с американцами (привыкшими считать Кубу своим марионеточным государством) и они развернулись в сторону Кремля. Первая личная встреча Кастро с Хрущевым произошла в декабре 1960 г. в Нью-Йорке, в ходе XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (той самой, где создан яркий миф о том, как Хрущев во время выступления представителя Филиппин, которому дали слово по процедурному вопросу, а тот стал говорить о «поглощении» стран Восточной Европы СССР, снял ботинок и начал колотить им по столу).³¹ А затем советский

²⁸ Лавренов С.Я, Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ • Астрель, 2003. С.192-193.

²⁹ См.: Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. Том 2. М.: Издательство «Новости», 1994. С. 125.

³⁰ См.: Батулин Ю.М. Космическая дипломатия и международное право. Звездный городок: РГНИИЦПК, 2006. С. 56.

³¹ Ближе всего к тому, что произошло на самом деле, оказывается рассказ Сергея Хрущева, который воспроизвел рассказ женщины, помогавшей делегатам отыскать свои места: «Когда Хрущеву до своего места оставалось сделать буквально шаг, кто-то из корреспондентов наступил ему на пятку, башмак слетел. Я быстро подобрала башмак, завернула в салфетку и, когда Хрущев через мгновения сел на свое место, незаметно подала ему сверток под стол» («Известия», 2002, 8 сентября). На самом деле, Хрущев был не в ботинках, а в открытых летних туфлях. Хрущев сел на

лидер сообщил журналистам, что если США позволят себе напасть на Кубу, то в ответ они «получат град советских ракет». Только после этого – и явно вследствие этого – Кастро заявил, что Куба приступает к строительству социализма. США получили в непосредственной близости от себя советский «непотопляемый авианосец» – с такой прямой и явной угрозой они не сталкивались никогда за всю свою историю.

О размещении на Кубе ракетного оружия в Москве задумались уже в следующем, 1961 г. Связано это было с тем, что американцы поставили на боевое дежурство в Турции, то есть у самых советских границ, ракеты среднего радиуса действия с ядерными боеголовками. Равновесие сил и возможностей нарушилось, что не могло не нервировать советское руководство. В мае 1962 г. с согласия кубинского правительства начала готовиться переброска на «остров Свободы», как его называли в советской печати, 40 пусковых установок с общим ядерным потенциалом в первом залпе в 70 мегатонн, а также сил прикрытия (авиация, ПВО и четыре мотострелковых полка)³². Выступая перед руководителями операции, Хрущев сказал: «Мы в ЦК решили подкинуть Америке «ежа»: разместить на Кубе наши ракеты, чтобы Америка не могла проглотить остров Свободы... Когда ракеты будут размещены, Америка почувствует, что, если она захочет расправиться с Кубой, ей придется иметь дело с нами»³³.

Американская сторона размещала ракеты в Турции открыто в рамках договоренностей НАТО, Хрущев же предпочел действовать скрытно – транспортировать военных и вооружения было решено тайно, на торговых и пассажирских судах. Однако, сам размах операции сохранить секретность не позволил. Впрочем, помешать переброске американцы все равно не успели, а тревога поднялась лишь тогда, когда авиация обнаружила на Кубе монтаж ракетных пусковых позиций. 22 октября 1962 г. США, НАТО и Организация американских государств ввели карантинный режим вокруг берегов Кубы (по сути, блокаду), заявив о тотальном досмотре всех судов и недопущении никакого нелегального провоза оружия, а также привели в боевую готовность свои флоты и армии. К этому времени большая часть советских судов с военным грузом уже достигли острова, но около трех десятков кораблей с грузом (включая ядерные боеголовки) в сопровождении подводных лодок еще только подходили к зоне блокады. Хрущев заявил, что попытки их досмотра будут расценены как агрессия и встретят сопротивление. Войска стран Варшавского договора также были приведены в боевую готовность, как и силы НАТО. Мир опять замер на пороге мировой войны.

Однако разум все-таки возобладал. Бряцая оружием и обмениваясь угрозами, стороны продолжали использовать все возможные каналы связи – дипломатические, гуманитарные, военные, разведывательные. К компромиссу призывали все – от ООН до папы римского. Чьи именно усилия сыграли решающую роль, точно сказать нельзя (или это было чудо?), но к вечеру 27 октября советское правительство согласилось отказаться от размещения на Кубе ракетно-ядерных комплексов. Взамен Хрущев потребовал от США вывода ракет из Турции и политических гарантий безопасности для Кубы, что и было выполнено.

Хрущев впоследствии не раз утверждал, что считает берлинские и карибские события своей победой. Хотя вряд ли он сам в это верил – в обоих случаях СССР отступил, «еж» поджал иглы. С другой стороны, победили в этой ситуации все, кто выжил, кто не превратился в радиоактивный пепел. Главным результатом Берлинского и Карибского кризисов стало ощущение хрупкости мира, который нельзя ставить в зависимость от авантюрных идей лидеров ядерных держав. После этого Кремль и Белый дом связала

свое место, а сотрудник протокола (может быть, даже упомянутая Сергеем Хрущевым женщина) завернутую в салфетку сандалию положил на стол перед Н.С. Хрущевым. Так что, когда он в запале начал стучать по столу и под руку ему попался сверток, он даже не знал, что в нем. (Из беседы с сотрудником протокольной службы ООН. *Прим. ред.*)

³² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 года. М.: РОССПЭН, 2006. С..255.

³³ Лавренов С.Я., Попов И.М., указ. раб. С.229.

«горячая линия» – на случай непредвиденных ситуаций. А в советских элитах стало крепнуть ощущение, что Хрущев, не так давно предоставивший им гарантии безопасности и элементарного выживания, все менее способен их поддерживать и обеспечивать. Непредсказуемость Хрущева становилась опасной.

2.7 Новая традиция «гуманного» устранения

Можно сказать, что Хрущев не прошел испытания неограниченной властью. «Не мытьем так катанием» он продавливал свои порой весьма экстравагантные идеи, стал нетерпим к мнению окружающих, позволял себе развязность и откровенное хамство. Чем сложнее складывалась ситуация в народном хозяйстве, тем активнее первый секретарь занимался международными вопросами, перекладывая разгребание «авгиевых конюшен» на подчиненных, а потом сваливая на них ответственность за неудачи. Лозунги становились все звонче: в 1961 году, когда впервые встал вопрос о закупках продовольствия за границей, Хрущев на XXII съезде объявляет, что в развитии экономики это было «великое десятилетие» и «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». ³⁴ Правда, встретили заявление, в основном, иронически. На фоне тотального дефицита и введения в стране продовольственных карточек, этот пропагандистский шум не мог существенно укрепить позиции первого секретаря даже среди простых советских граждан, что уж говорить о тех, кто был более информирован. А в следующем году случился расстрел в Новочеркасске и Карибские события, что еще сильнее усугубило ситуацию. Было очевидно, что авантюрный и непредсказуемый лидер становится не только тормозом нормального внутреннего развития страны, но и угрозой ее существованию.

У членов Политбюро была некоторая надежда, что в конце 1963 года Хрущев уйдет сам, потом надеялись, что это может произойти после 70-летия вождя весной 1964-ого. Когда стало ясно, что добровольной отставки не будет, в высшем эшелоне власти стал формироваться заговор. Глава КГБ Семичастный в мемуарах утверждал, что летом Брежнев предлагал ему вариант силового устранения Никиты Сергеевича, но он отказался. ³⁵ В то же время, саму идею заговора Семичастный поддержал. Инициаторами, видимо, выступали Брежнев, Подгорный и Шелепин – как раз те, кто в наибольшей степени были обязаны своей карьерой Никите Сергеевичу. Впрочем, точных данных о ходе кулуарных переговоров не сохранилось, только отрывочные (и порой противоречивые) свидетельства в мемуарах. ³⁶ Но самым важным и принципиальным моментом является не то, кто первым начал эти разговоры, а то, что никто не выступил против – заговор поддержали абсолютно все опрошенные члены Политбюро, руководители армии и КГБ. В относительном неведении оставался лишь Микоян, который в этот момент отдыхал в Пицунде вместе с Хрущевым.

В отсутствие Первого секретаря, члены Политбюро договорились о срочном созыве внеочередного пленума, якобы, посвященного сельскому хозяйству. Хрущеву позвонили, попросили немедленно приехать. Лично говорил с ним Брежнев, остальные заговорщики стояли рядом. Опытный Хрущев обо всем догадался и сказал Микояну, что бороться он не собирается. После этого заказал правительственный самолет, и они вместе вылетели в Москву. Тем временем, совместными усилиями КПК, КГБ и Совмина был подготовлен 70-страничный доклад, в котором перечислялись многочисленные претензии к Никите Сергеевичу. Вот некоторые выдержки из него: ³⁷

³⁴ Этой фразой завершается принятая Съездом Программа КПСС (Прим. отв. ред.). – Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1975. С.142.

³⁵ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: 2002. С.82.

³⁶ Пихоя Р.Г., указ. раб. С. 226-227.

³⁷ Доклад от лица президиума готовил и должен был зачитать заместитель Председателя Совета Министров СССР Дмитрий Полянский, поэтому за ним укрепилось название «доклад Полянского». Опубликован в «Вестник Архива Президента Российской Федерации». 1998. № 2. С. 102-125.

«Тов. Хрущев, сосредоточив в своих руках неограниченную власть, обнаружил полное неумение, да и нежелание правильно пользоваться ею. Он грубо попирает ленинские принципы и нормы руководства партией и страной и, по существу, полностью отказался от них...»

(Допустил)...серьезные ошибки в руководстве как внутренней, так и внешней политики...

Во всех его действиях за последнее время на первом месте стоят не интересы общего дела, а интересы собственной персоны.

...перестал считаться даже с элементарными приличиями и нормами поведения и так отвратительно сквернословит, что, как говорится, не только уши вянут, — чугунные тумбы краснеют. «Дурак, бездельник, лентяй, вонь, грязная муха, мокрая курица, дерьмо, говно, жопа» — это только «печатные» из употребляемых им оскорблений. А наиболее «ходкие», к которым он прибегает гораздо чаще, никакая бумага не выдержит и язык не поворачивается произнести. И это сыплется без разбора даже в присутствии женщин.

...Положение в народном хозяйстве после перестройки управления <...> ухудшилось, — и это — беспощадный приговор новой системе. Она породила невиданный параллелизм в руководстве, неразбериху, бюрократизм и просто бестолковщину.

...Среди партийных, государственных, хозяйственных работников, да и среди широких масс трудящихся идет ропот. Люди открыто говорят: «Осточертели перестройки. Работать некогда из-за них. Не хватает хлеба и овощей, молока и мяса, зато изобилие перестроек». И они правы».

Еще до открытия пленума, выслушав упреки товарищей и поняв, что союзников у него не осталось (только Микоян поначалу осторожно выступил в его защиту, но быстро изменил точку зрения), Хрущев согласился добровольно уйти в отставку. Он отчасти признал критику, принес товарищам личные извинения за грубость и попросил публично не озвучивать перечисленные претензии. «Доклад Полянского» отправился в архив, вместо этого на пленуме выступил М.А. Сулов с гораздо более сдержанным сообщением, в котором сохранился общий негативный тон в отношении Хрущева, но конкретных обвинений и уничтожающей статистики уже не было. Никита Сергеевич был освобожден от занимаемых постов «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»³⁸. Ему была предоставлена персональная пенсия, сохранена государственная дача, охрана и пр. Введенная самим Хрущевым традиция «гуманного» устранения конкурентов сработала и в отношении самого Никиты Сергеевича.

Иной кандидатуры на пост первого секретаря кроме Леонида Брежнева даже не рассматривалось.

* * *

Многое из того, что народная память связывает с эпохой «оттепели», было начато еще до прихода Хрущева к власти. Но ему было свойственно довольно беззастенчиво приписывать себе чужие заслуги или просто забывать об их происхождении. Так, именно Хрущев ассоциируется с публичным осуждением «культы личности», сталинских репрессий и началом реабилитации невинных жертв, хотя, как было показано, инициаторами этой политики были, прежде всего, Маленков и Берия. После ареста последнего процесс реабилитации даже несколько приостановился, что стало одной из причин серии самых массовых и кровавых в истории СССР восстаний заключенных, самыми известными из которых стали бунты в Воркуте (Речлаг), Норильске (Горлаг), Кенгире (Степлаг)³⁹ Для подавления последнего использовались даже танки. Интересно, что на июньском Пленуме ЦК 1953 г. Хрущев заявил, что амнистия была задумана Берия, «чтобы подкупить народ», и спорил с Маленковым относительно ее целесообразности. Комиссия Поспелова тоже не была его инициативой. Только осознав, что тут кроется ценный политический ресурс (возможно, и почувствовав настроения масс, хотя об этом судить труднее), только после 1955 г. Хрущев

³⁸ Никита Хрущев. 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2007.

³⁹ История Сталинского ГУЛАГа. Восстания, бунты и забастовки заключенных. Т.6. М.: РОССПЭН, 2004. С.317–649.

стал главным рупором и мотором десталинизации. Берия же, как и Молотов, и Маленков, выступавшие, в общем, за то же самое, но более «тихими» методами, оказались повержены.

Важнейшая черта эпохи Хрущева, – непоследовательность в решениях. Отчасти это было логичным следствием отсутствия четких идеологических установок, хотя важную роль играли и личные качества, да и весь жизненный опыт нового лидера. В решении любых задач Хрущев в первую очередь руководствовался сиюминутными интересами борьбы за власть (что было для него неоспоримым «основным инстинктом»), а во вторую очередь – собственными идеями, порой весьма сумасбродными. По мере достижения главной цели «идеи» получали все больше места, выходили на оперативный простор. Однако вместо комплексного анализа ситуации и просчитывания результатов на несколько шагов вперед Хрущев, не способный ни на то, ни на другое, все чаще полагался на интуицию. А она все чаще его подводила.

Такой «оттепель» и осталась в человеческой памяти – как и краткие годы «коллективного руководства», как и единоличное правление Хрущева, тоже недолгое. Это было время метаний, шараханий, неуверенности и неопределенности. Было совершенно понятно, откуда выходит измученная страна – из кровавого кошмара, из голода и нищеты. Но было совершенно не ясно, куда, собственно, она направляется. Направление движения прояснилось позже – в эпоху, о которой пойдет речь в следующей главе.